

Е. А. НЕКРАСОВОЙ

9 ноября 1840. Петербург

9 ноября 1840 г.

Вчера целый день мне было скучно. Вечером скука усилилась... Какая-то безотчетная грусть мучила меня. Я сам не понимал, что со мною делалось. Все занятия мои мне опротивели, все предположения показались мне жалкими. Я не мог ни за что приняться и со злостью изорвал начало одной срочной статьи. Мне было не до того... я чуть не плакал... И, право, заплакал бы, если б не стыдился самого себя. Вдруг приносят письмо от тебя...¹ я с жадностью схватил его, прочел, но и оно не успокоило меня; однако ж оно изумило меня: как будто ты подслушала меня, как будто оно было писано под влиянием тех самых идей, которые преследовали меня в этот вечер. Я сожалел, досадовал, что так сильно увлекся пустою суетностию; я писал:

Грустно... совсем в суете утонул я,
Бедному сердцу простора я не дал...
Тяжко... за что сам себя обманул я...
Сам себя мрачным терзаниям предал?

Я думал тогда: отчего такая пустота в моей душе? Отчего меня не всегда и не так сильно радует то, что радует и делает счастливыми других... Отчего я так холодно встречаю и успех и неуспех того, что другого или закинуло бы на седьмое небо, или бросило в озноб злости и отчаяния? Оттого, отвечаю я сам себе, что все это мне кажется мелким, ничтожным... А стремясь за ним, я вмешался в пеструю толпу людей, у которых не моя цель, я увлекся общим потоком и не отстаю от других, хлопочу, торгуюсь на рынке света...

А дни летят... Слой пыли гуще, шире
День ото дня на позабытой лире...
Порой возьму, — по струнам пробегу,
Но уж ни петь, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердят укор разорванные звуки,
И я от лиры прочь бегу!
Бегу... Куда? В торг суетности шумной,
Чтоб заглушить тоску души безумной...
Бегу туда, где плачет нищета,
Где светел лик богатого шута...
Бегу затем, чтоб дать душе уроки
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желает быть сыта!..

Да, дни летят... летят и месяцы... летят самые годы... А грустно... все так же грустно. Когда же мне будет весело? — спрашиваю я сам себя. Видно, еще пора не пришла, может быть, и не будет ее. Что это за странная, за беспокойная жизнь человеческая, которая сама не знает, чего ищет, чего ждет. Пройдут годы — нет и в помине прежних чувств, прежних желаний, все они кажутся уже глупыми, не стоившими ни труда, ни борьбы с препятствиями. Настанут новые желания, стремления — и вот ты снова хлопочешь, суетишься, перемогаешь самого себя. И что же? И они, в свой черед, кажутся смешными, глупыми... и так далее до самой кончины... Грустно! Лучше не расшевеливать души, не бросать искры в порох, а жить так однообразно и инстинктивно, как живут многие, как многим жить суждено и как многим жить нравится. Не в том ли и состоит искусство жить, чтоб уметь самого себя заставить признаться, что не стоит жить; что ты не живешь, а состоишь на службе, которой отставка — смерть? Тяжела борьба души с телом, тяжела борьба человека с самим собою. Нет, не буду больше думать об этом, пойду опять брошусь в общий поток... Несите меня, несите, волны суетности, к вашей глупой цели... я опять ваш... опять

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачем? На что? Без цели, без охоты!..
Лишь боль в костях от суетной работы,
Да в сердце бездна пустоты!

Но что нужды! Зато я не буду иметь право жаловаться на жизнь, не буду глупцом в глазах других.

Иногда, как теперь, я оглянусь назад, загляну в тайник души и, верно, ужаснусь, заплачу... Мне будет стыдно самого себя, но что делать...

Что делаешь ты, милая сестра? Что думаешь ты? Я знаю твою глубокую душу... твой взгляд на всё... а потому думаю, что тебе грустно, очень грустно в минуты немых бесед с собою... Я бы понял тебя, ты бы поняла меня, если бы мы были вместе... а мертвые слова — безжизненные звуки... мне не высказать, не обрисовать чувства... они только хорошо умеют передавать людям обычную заученную прозу жизни. Грусть одиночества начинает чаще мучить меня. Я бы охотно приехал к вам, охотно бы отдохнул с вами...

Если не помешают мне обстоятельства, то в декабре я непременно приеду к вам,² милая сестра; тогда увидимся, тогда перескажем друг другу всё... оплачем наши прошедшие мечтательные радости, погорюем над настоящим, заглянем в будущее. Может быть, что и улыбнется нам... Прощай, милая сестра. Сто раз целую тебя... я люблю тебя, как сестру, как друга, который один только понимает меня, пред которым только я высказываю мою душу; люби же и ты меня так... не сердись за мелкие мои ошибки и частое невнимание к тебе, которое происходит не от эгоизма, а от моего рассеянного, беспокойного характера, а ныне частью и от множества занятий.³ Прощай... И брат и друг твой

Н. Некрасов.

После этого письма ты найдешь безжизненные строки, набросанные мною вчера поутру, более по обязанности;⁴ я прочел после их и увидел, что они какой-то формуляр, но уже изорвать его не хотелось. Саблина стихи⁵ очень глупы... Это глупый, сумасшедший н-й, которого я вам не советую пускать к себе в дом, потому что по бессознательной глупости своей он может, пожалуй, наделать каких-нибудь мерзостей.

Н. А. Некрасов.

Примечания

Подлинник, принадлежавший до первой публикации К. С. Звягину, ныне утрачен. Печатается по тексту первой публикации.

Впервые: РС, 1889, № 2, с. 349—351.

¹ Это письмо неизвестно.

² Это обещание Некрасов выполнить не смог. Он приехал в Ярославль на свадьбу сестры Елизаветы в июле 1841 г.

³ Осенью 1840 г. Некрасов — сотрудник журнала Ф. А. Кони «Пантеон» стал также постоянным сотрудником «Литературной газеты», перешедшей под редакцию Кони.

⁴ Это приложение остается неизвестным.

⁵ Имеется в виду первая книжка Е. В. Саблина «Полевой цветок. Стихотворение» (Ярославль, 1840). Это графоманское произведение было подвергнуто уничтожающе-

издательской критике П. Н. Кудрявцева в «Отечественных записках» (1840, № 8, отд. VI, с. 41).